

Владимир Андерсон

БОРЬБА

*Возмездие
в сумерках*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Владимир Андерсон
Борьба: Возмездие в
сумерках (книга четвертая)
Серия «Борьба», книга 4

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69857341
SelfPub; 2024*

Аннотация

Четвертая часть саги *Борьба "Возмездие в Сумерках"*, где интриги, заговоры и противоборство принимают новый неожиданный оборот. Гора заключает соглашение с Коброй, их союз – это мощное оружие для них обоих. Но противостояние СЧК и Инквизиции грозит перерасти в полномасштабную войну, которая захватит в своё участие и людей. Только что созданная система самоуправления префекта вынуждена пройти новые испытания на прочность, в то время как движение маки, последний бастион свободы, грозит расколоться и уйти в небытие как нежизнеспособный организм. В *"Возмездии в Сумерках"* ставки высоки, а решения имеют глубокие последствия. Присоединяйтесь к этому эпическому приключению, где власть, предательство и борьба за выживание переплетаются в истории, которая оставит вас в ожидании каждой следующей страницы.

Содержание

Тарантул	4
Маша	13
Митрополит	18
Префект	25
Министр	28
Болотников	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Владимир Андерсон

Борьба: Возмездие в сумерках (книга четвертая)

Тарантул

Хиви не казались ему чем-то особенными. Хорошие вояки, которые нашли своё место на земле и теперь держатся за него. Глупо упрекать их в том, что они воюют на одной стороне с чумами или что так нещадно атакуют маки. Их место – это их место. И бессмысленно отрицать это. Кто-то должен был его занять. А то, что у них хорошо получилось это сделать, так этому стоит у них, скорей, поучиться, чем упрекать их в этом.

За этим и отправил его сюда префект – узнать больше о том, как правильно занимать своё место. Место под Солнцем, а не под землёй. Смело можно сказать, что место под землёй шахтёры заняли основательно... И, как ни странно, но по ощущениям Тихомирова оказалось, что места под Солнцем более чем достаточно.

И это не только сохранившиеся здания, в которых можно занять место, но и, очевидно, производственные мощности, которые можно использовать для снабжения этих мест.

Сейчас, когда Тихомиров спокойно ходил по коридорам базы Кобры и видел с одной стороны изобилие оружия и разнообразного инвентаря, а с другой – периодическое безделье тех людей, которые его окружали, ему казалось, что вообще жизнь людей при наличии чумов, наверно, не слишком-то уж и сильно отличается от того, что было больше века назад. Это шахтёрам досталось и тем, кто работает на производстве чумной империи. А вот у остальных всё совсем по-другому. Похоже, что не только хиви, но и маки живут не так...

Маки вечно прибеднялись. Как что у них ни спроси, а они начинали разговор о том, что чумы их постоянно прессуют, вечно приходится где-то прятаться, постоянно отступать и вообще еле сводить концы с концами. А на самом деле, дальше Бахмута их особенно и не трогает никто. И даже более того, сами чумы и хиви опасаются их возможного нападения и глядят во все глаза, лишь бы не пропустить неожиданный удар.

Про хиви шахтёрам вообще ничего не было известно. И получалось, что всё представление о людях при чумной империи, укладывалось в понятие горстки выживших на предприятиях, которые только и делают, что стремятся сдать производственную норму.

И стоило только Горе чуть отойти от стандартов и получить хоть какую долю самоуправления, так оказалось, что мир куда более многогранный. И уж точно не чёрно-белый, как можно было считать в самом начале.

И всё-таки. Сколько у хиви оружия. И пулемёты, которые

у чумов-то не часто увидишь, и гранатомёты, и даже бронетехника. И всё это выглядит очень свежим... Собственно, в том документе, что они когда-то получили от Шинхра, где некий «Койот» докладывал о том, что имперская армия воюет так себе, похоже не была какой-то выдумкой. И если уж там что и приукрашено, так не слишком уж и сильно.

И ещё интересно, как вообще организовано всё это? Пару часов назад Кобра поехал к Ворону, который у них главный в этой группировке. Но даже эта степень «главности» не означает, что ему все подчиняются. Он, скорее, координирует их. И это видно из того, как Кобра восторгался подчинением всех и вся лично префекту и особенно людьми, способными подрываться по команде вместе с собой. У них тут есть какие-то две гранаты на каждого, и то не всегда работает. А у нас работает всё, и с одной, и по первому разу.

Всё это говорит о том, что система, которую внедряет префект грозит стать куда более жизнестойчивой к переменам, чем та, что сейчас работает у хиви. С одним лишь изъяном – у них тут уберёшь какого ведущего командира, и заменишь его другим. Можешь потерять в навыках, но не потеряешь систему. А вот у Горы, кроме него никого такого же поставить не получится, как бы ни хотелось... И тут у Тихомирова появилась интересная идея. Идея, как сделать нереальное реальным лишь в умах других людей. И хоть и сейчас от этого не было особо толку, но в перспективе, случись что с Горой, то можно будет сбересть всю систему...

Сейчас Гора лично приказы уже почти не отдаёт. Это делает или Тихомиров или Богатый, смотря чего касается приказ. Префект большую часть времени проводит у себя в кабинете и планирует. Ему уже даже некогда проверять что-либо. Его мир становится настолько абстрактным, что и все подчинённые начинают относиться к нему со временем больше как к символу, чем как к конкретному вождю. И хоть иногда бывают моменты, когда он включается в дело лично и показывает свою решимость и стальной характер, таких моментов становится всё меньше и меньше. И всё идёт к тому, что когда-то их вообще не будет. Никто не будет видеть префекта, а будет только выполнять его приказы. Потому и можно представить себе вариант, что случись что с Горой, и дело его не умрёт. Он вечно останется в своём кабинете, чтобы отдавать приказы, которые должны быть выполнены...

И тогда особенное значение будут иметь именно его, Тихомирова подразделения. Охранное, штурмовое и ГБР. И им явно не хватало ещё одного. Враги не всегда бывают явными, воюющие открыто и с оружием в руках. И случай со сменой власти в Отряде-14 явное тому подтверждение. Хмельницкий пропустил мимо себя целый заговор, который сместил его, и странно ещё, что он вообще остался в живых. На шахте таких милостей ждать никто не будет. Там люди слишком привыкли к крови, жестокости и даже беспощадности. Уж слишком долго они наблюдали за методами, которые практиковали чумы. Уж слишком это сидит глубоко в их душе.

А потому проворонить заговор не только для Горы, но и для Тихомирова будет означать фатальную концовку всех достижений.

Нужна собственная контрразведка. Свой СМЕРШ, который будет выявлять загодя способных ударить в спину ножом, который будет делать всё, чтобы система продолжала работать как часы, который возьмёт в свои руки все нити контроля над жизнью на шахтах. Тем более, что скорость, с которой разрастается эта автономия, явно превышает все мыслимые до этого сроки. Раньше все мечтали хоть о какой-то стабильности, теперь мечтают о больших изменениях, способных принести новые территории и предприятия.

Раздался шум какого-то движения со стороны входа: щелчки, стуки об пол, топот. Кобра со своей охраной вернулся из недолгой поездки. Его не было полтора часа, и, судя по всему, ничего путного из этого не вышло.

Увидев Тихомирова, Кобра кивнул ему в сторону своего кабинета, и сам направился туда же. Внутри там уже не было никого, даже девушки, обычно печатающей что-то на машинке.

Кобра перед тем, как присесть на свой генеральский стул, налил чаю себе и вторую кружку Тихомирову:

– Похоже ты был прав насчёт делёжки ресурсов...

Тихомиров уже отхлебнул чая и почувствовал, как тот прогревает ему мозги. Он был достаточно крепок, хоть и нельзя сказать, что горький, как это бывало с тем чаем, что

заваривали себе шахтёры, называя его чифир. Да и готовили его совсем по-другому – варили в кастрюле, а не настаивали в чайнике, как этот.

– Разумеется... Что ж ещё у вас можно делить? Только я думаю всё же этот делёж выглядит несколько по-другому, чем просто «отдай мне это, а я тебе то». – ответил Тихомиров, попивая чай и думая о том, что лучше бы это был шахтёрский чифир, к которому он похоже привык.

– Ты имеешь в виду, что проще менять руку, держащую карты, а не перекидывать эти карты между друг другом?

– Да, вроде того... У тебя завидное, так сказать, место. И ты ещё и обустроил его неплохо... Я больше чем уверен, что помимо этой базы у тебя вдобавок ещё много чего есть. И если это так, то можно много кому не угодить одним своим существованием... И сейчас я бы на твоём месте подумал о том, что когда-то произошло с Хмельницком в его Отряде-14...

– Я так понимаю, что подобными вопросами на шахте ты уже озаботился. – улыбнулся Кобра, ему было явно приятно иметь рядом с собой такого собеседника, умного и неконкурирующего с ним в чём-либо. – Заодно сейчас вместе и посмотреть на кое-что... Новенькое... Пойдём.

Они вышли из кабинета, прошли в дальней конец коридора, потом спустились по лестнице на первый этаж и далее в подвал. Оказалось, что это здоровенная парковка, теперь тоже поделенная на отдельные помещения. Всё также без но-

меров на дверях, представленных в виде алюминиевых загоронок. За той, в которую они вошли, находились два человека, рассматривающие лежащие на полу отрезанные головы людей. Крови было достаточно, но, по всей видимости, сами головы отрублены были не здесь, иначе запачкано было бы не только внутри зала, но и вытекало бы наружу.

Один из осматривавших головы подошёл к Кобре:

– Только двоих опознали...

– Как ожидалось... – ответил Кобра. – Оставьте нас...

Когда двое подручных Кобры вышли он показал на лежащие головы рукой и продолжил:

– Видишь эти головы. Тридцать две точнее... Кто-то перебил группу Bravo, когда они охраняли подступы к сектору «Диза» со стороны промышленной трубы, а потом обстрелял нас из миномётов. И твой патрон ещё тогда заметил, что 80-миллиметровые миномёты слишком тяжёлое вооружение, чтобы маки могли его дотащить на такое расстояние... Но меня больше удивило не это, а то, что кто-то настолько незаметно подобрался к группе Bravo, что не было ни единого выстрела. И за то всё время, что их перебивали тоже... Их головы нам оставили недалеко от промышленной трубы с вкопанной рядом палкой, к которой была гвоздями прибита ещё живая змея. Всё-то оно понятно, что это послание мне. Мол, двигаться ты ещё можешь, а вот сделать ничего не получится... Кто-то слишком хорошо всё знал, когда действовал. Слишком тихо, незаметно, уверенно и словно был в кур-

се всего. А потом ещё и отошёл также незаметно... Ещё когда был обстрел, я приказал поменять частоту, а на запасной частоте уже передал соседним подразделениям, чтобы обходили позицию атакующих с обоих флангов... Тут я переключился на старую частоту и услышал оттуда чем-то знакомый голос, который возвестил мне, что все ходы наши они знают, и в клещи взять не удастся... Разумеется, никого мы не взяли, а только нашли заминированные трупы без голов... Что вот ты думаешь об этой истории?

– Очевидно тот, кто перебил группу Bravo знал их лично. Только почему не доложили о том, что видят кого-то, даже если и своих...

– Да. Именно этот вопрос меня больше всего и заботил. И теперь мы знаем на него ответ... Вот видишь эти головы – Кобра ещё раз указал на отрубленные и изуродованные головы людей.

– Ещё как.

– Вот здесь из группы Bravo на самом деле лежат только двое. Остальные изуродованы так, что их нельзя узнать... Но у нас есть свои методы, как это делать. И не все об этих методах знают... Мы измеряем черепа всех бойцов, чтобы потом можно было отличить, если они погибнут. Наиболее вероятно, что хоть в каком-то виде череп сохранится, потому и больше шансов узнать... Тот, кто это сделал, не знал о таком нашем фокусе. И надеялся, что останется неизвестным... Ну почти... Потому что ответ, почему группа Bravo не доложи-

ла о прибытии кого-то заключается в том, что никто и не прибывал. Это группа Bravo меня и обстреляла, предварительно убив тех двоих, кто не захотел в этом участвовать, и заранее подготовив тела, видимо, убитых маки. Вот откуда вся информированность и уверенность у них в действиях. И вот почему так голос был знаком, хоть и пытался его менять. Это был командир группы Bravo...

– Похоже, надо уделять больше внимания собственной безопасности. – на этот раз немного улыбнулся уже Тихомиров. Ему было приятно, что до мыслей о СМЕРШе он додумался сам до того, как услышал эту историю.

Маша

Это очень странное ощущение, когда привыкаешь к тому, что что-то уже не так в твоей жизни. Когда нет кого-то, без кого жизнь вообще не представлялась. Когда раньше этот кто-то заполнял всё место в твоей жизни, а теперь его вообще нет. И это ощущение непрерывной пустоты в месте ранее всё время заполненном, с одной стороны заставляет перестать что-либо чувствовать, а с другой – заставляет иногда смотреть на всё слишком отрешённо. Словно и не было вообще всего этого раньше. Всегда было пусто.

Так Маша начала думать где-то полгода назад. А теперь, когда родился ребёнок. Её ребёнок и Рафаила, у неё появилась новая жизнь. И эта жизнь заполнила былую пустоту. Этот мальчик заполнил эту пустоту. И как ни странно, но он почти всё время спал.

Сейчас ему был почти месяц, а он всё продолжал тихо спать, лишь иногда просыпаясь, чтобы попить материнского молока. Чтобы потом снова спать... И это было очень удивительно, ведь она сама видела, как новорождённые дети кричат по ночам, когда у них режутся зубы, как не дают всем спать, и лишь абсолютная усталость делает своё дело, отрубая ко сну рабочие сомы.

Ей вспомнилось тогда, как Рафаил обнимал её, а где-то рядом кричал ребёнок. Видимо, не только от того, что у него

резались зубы, но и от того, что нечего было есть. Всем ещё хотелось спать, и кто совсем выбился из сил, тот и не слышал даже этого плача, а кто устал не так сильно, продолжал слушать крик малыша, иногда немного ворча об этом.

Рафаил тогда думал над тем, что может ещё не хватать тому, кто только начал смотреть на мир своими глазами и слышать его звуки своими же ушами. Такому маленькому созданию точно не хватало связи движения, видимого глазами, со звуком, который будет коррелироваться со всем этим. Он читал про древнюю игрушку для детей, называемой самой важной среди прочих – погремушку. На следующий день он смастерил такую: небольшой деревянный шарик на палочке и с кусочками каменного угля внутри. При каждом взмахе уголь ударялся о стенки и издавал звук.

Игрушка ребёнку очень понравилась. Теперь он гремел ей полночи, а потом тихо спал. Не сказать, что плач был громче, чем постоянные удары угля о деревяшку, но всем было легче. Все знали, что так ребёнок легче растёт, так ему хотя бы может казаться, что кругом есть что-то, что под его контролем – маленькая погремушка, сделанная рабом.

Маша так мечтала, что когда-нибудь у неё и Рафаила будет свой ребёнок, который также будет греметь подобной игрушкой, вырастая и становясь самостоятельным. Человек должен быть самостоятельным, именно тогда он может ощущать себя живым.

Если бы она тогда подумала, что значат эти слова для её

мужа. Что он не сможет мириться с тем, что их жизнь – это одно сплошное испытание, где нет никакого выбора. Что он захочет изменить это. В том числе и ценой своей жизни. И что из этого выйдет только одно – потеря его для неё. И теперь его сын начинал свою жизнь, даже не увидев своего отца.

Маша думала об этом, и у неё не было точного ответа, как бы она поступила, если бы знала наперёд то, что знает сейчас. Что его больше нет. Смогла бы она уберечь его от этого? Или все её слова были бы пустым звуком для него? Она не знала, ответ на этот вопрос. Она знала только то, что его уже нет в живых. И что его сын когда-нибудь вырастет, и начнёт думать так же как и он. В этом она даже не сомневалась... Только вот каким мир будет, когда он вырастет?

Те сны, которые снились ей последнее время, не давали покоя своей резкостью, вездесущностью. Она ощущала, что сны снятся ей в преддверие изменений, которые ждут всех. И это касалось прежде всего того, что чумы потеряют свою силу, дарованную им Чёрным Камнем... Как именно, она не понимала. И даже не приходило в голову, что такое могут потерять чумы, что используют они сейчас. Что вообще сейчас может давать им их великий реликт? Он открыл им портал на Землю. Он заглушил всё людскую электронику. Но теперь, после завоевания ими человечества, что нужно им из всего того, что даровал им Чёрный Камень? Открыть ещё один портал, чтобы кто-то другой вторгся и завоевал чумов?

Включить электронику, которой уже нет, и нет даже толком людей, способных её полноценно пользоваться?

Маша не видела ответов у этих вопросов. Но само ощущение грядущих изменений казалось настолько же реальным, как восход Солнца каждое утро. Это просто должно было произойти...

Но сон давал это знать однозначно. Теперь снилось одно и то же. Чистое поле без каких бы то ни было армий, как прежде. Никаких гроз и ливней. Только лёгкие облака, загораживающие Солнце, чтобы оно не пекло. И Рафаил такой спокойный, стоящий возле неё. Совсем близко. И смотрящий своими верными умиротворёнными глазами:

– Любимая, ты обязательно узнаешь эту тайну. Но для начала тебе надо дождаться её. Наташу. Без неё эта тайна слишком опасна для тебя. И тебе лучше не узнать её совсем, чем узнать её одной... Дождись её. Дождись Наташу...

Маша просыпалась каждый раз на этом слове, потому что понимала, что её руки и ноги начинали сильно дёргаться – она пыталась во сне дотянуться до него и обнять. Обнять своего любимого мужа, ведь она так соскучилась. Обнять и сказать, что их сын родился здоровым. И спросить у него, какое бы имя он хотел ему дать.

Она хотела сделать всё это, и в этот момент понимала, что спит... Так каждую ночь просыпалась она, ощущая рядом мирно спящего младенца, который теперь кажется заполнил некую в пустоту в ней, всё равно оставив место для Рафаила.

– Как же мне тебя не хватает. – каждый раз вслух шептала Маша. – Как же тебя не хватает каждый день...

Митрополит

Железнодорожный состав церкви, прибывший в сектор «Диза» был не просто роскошен – он упивался этим словом. Даже вагоны рядовых послушников и те, что предназначались для карательной буры «негласного ресурса» – были украшены шёлком, лакированным дубовым деревом и местами позолотой. Гузох мог представить, что такое может быть в вагоне самого митрополита, но увидеть это в помещениях, предназначенных для монахов-бойцов, было уже удивительно.

Ну хоть стало понятней, почему начальник карательной буры Руминхр так просто поверил в историю Гузоха о том, что тому передали в ведение эту буру по личному указанию патриарха, а сомневаться в словах митрополита – недозволено даже в мыслях... Всё это подкреплялось на самом деле ещё и желанием чумов из буры «негласного ресурса» всё же скорей жить, чем умереть в бесполой перестрелке с эсчекистами.

Послушание-то у них в крови. Вот они и послушались. Митрополита. Хоть и другого. Но это уже не важно. Ответственности на них нет, когда она есть на чуме со столь высоким саном.

Сейчас поезд двигался обратно в сектор «Корса». Гузох хотел на крайний случай отдалить боевое подразделение по-

дальше от пленённого Самоха. Тот и вправду мог устроить резню, дай ему такую возможность. Особенно теперь, когда его скользкие игры на нервах потерпели такой крах.

Перед отправлением, разумеется, убрали перила с крыши митрополичьего вагона, чтобы он никак не отличался от всех остальных. И своим личным распоряжением, Гузох разрешил проходить через покои центрального вагона в обе стороны. И самому спокойней, и расположения их к себе получить – пусть видят, что он не чурается их присутствия, и лишний раз готов только благословить на святое дело, особенно если это дело касалось его личной охраны. Именно так. Теперь эта бура его личной охраны, а не каких-то карательных операций, для которых достаточно сил и у имперской армии, и у СЧК. И пусть они и занимаются этим по его же указу.

Как глупы были те, кто решил, что инквизицию надо проводить руками инквизиторов. Это совсем не их дело. Их дело судить, выносить приговор. А исполнять его могут и другие. И с одной стороны, это и обелит исполнителей от тяжести принятого решения, а с другой – не потратит ни одной капли крови и пота священнослужителей... Гузоху стал прямо противен подход Невроха к пониманию роли святой Церкви в современном мире. Тот хотел собой подменить данность, стать во главе всего и подчинить своей воле всех, включая и Центральный Комитет Империи... Какая несуразная глупость. Какой беспринципный отход от сути святой Церкви, которая предполагает мудрый совет для правителей. Со-

вет, от которого нельзя отказаться. Совет, который даруется словно самим Чёрным Камнем. В противовес тяжёлым словам и приказам, каких хочется добиться нынешний патриарх.

Он не заслуживает того, чтобы быть патриархом. С того самого момента, как перестал понимать важность и преимущество мягкой силы, способной управлять абсолютно разнородными субъектами Империи. Он делает упор на грубую силу, которая, имея разрушительный характер, лишь нанесёт непоправимый урон репутации и влиянию святого престола.

Потому и погрязли они так в роскоши, что слишком думали о прочности и строгости своих убеждений, которые надо расширять на остальные умы. Потому для них материальное стало главным основанием, на котором они стоят слишком зыбко... И не было бы оно зыбко, если бы прочность убеждений держалась на верном выточенном доказательством слове, которое передаётся из уст в уста само. Без какого-либо давления. Когда чумы сами хотят рассказывать друг другу ту правду, которая им нравится, и которую они захотят видеть повсеместно.

«Негласный ресурс» – инструмент затыкать неуёмные рты... А вот мысли-то не заткнёшь. Они так и останутся. И так и будут передаваться как зараза от одного к другому со скоростью быстрее настоящей чумы. И в отличие от настоящей чумы, совершенно не поддающейся врачеванию.

Достаточно посмотреть на Самоха, и до чего он дошёл.

Открыто провоцировать при свидетелях должностное лицо не просто Империи, а самого СЧК. Плести интриги прям на ходу, в кабинете начальника целого сектора... И удивительно же, что такое и получалось иногда... Хотя не так уж и удивительно, когда узнаётся, что заместитель командира СЧК сектора «Корса» был по факту полноценным членом Церкви, а не СЧК. С такими гнусными методами, и правда можно поверить в собственную непогрешимость... Хотя до чего она доводит... До самоуверенности... Беспечной самоуверенности, которая имеет один ничтожный конец.

Сейчас они проезжали тот участок дороги, который недавно подрывали маки, а потом второпях чинили шахтёры. Их обстреляли, а у хиви произошёл какой-то непонятный конфликт. Вообще эти хиви, конечно, уже совсем оторвались от реальности, той реальности, которая была ещё даже каких-нибудь лет 30 назад, когда они выполняли исключительно охранные функции, а их численность была настолько незначительна, что не было и мысли о том, чтобы формировать из них крупные подразделения. Не то, что теперь, когда они выполняют самую опасную и кровавую работу за имперскую армию и боевые подразделения эсчекистов.

Об это всём Гузох узнал из исповеди пятилетней давности, когда одному из ветеранов СЧК понадобилась помощь в облегчении своей участи перед тем, как отойти в мир иной. Это произошло на одной из конференций по безопасности на оборонных предприятиях. Гузох там был, разумеется, по

делам своих любимых рабочих-чумов. И у одного из докладчиков возникли проблемы с сердцем, похоже случился инфаркт. Он захотел упокоения души и немедленной исповеди, которую ему оказал Гузох, как священнослужитель с наивысшим саном, находящийся рядом.

Эсчекист рассказал ему о сложностях в его аппарате и о том, что ничего самостоятельно не сделал, чтобы спасти истинные устои Империи, которая на глазах прогнивала изнутри и разлагалась как человеческий труп. По его словам, хиви теперь составляли основную боевую силу СЧК, а в некоторых случаях и даже самой имперской армии, быстро приближаясь к ней по численности. Сначала это был эксперимент, но эффект оказался настолько поразительным, что это быстро взяли за практику, и спустя всего несколько лет применения, баланс резко изменился. Командиры имперских министерств постоянно докладывали наверх об успешных операциях по подавлению маки и налаживанию связей между разрозненными частями империи при минимальных потерях. Потери среди людей, разумеется, никого не интересовали, но никто не подумал, что такая практика лишь многократно усилит влияние и роль хиви в жизненно важных процессах империи. В некоторых случаях лидеры хиви сами назначали цену за выполнение заданий, а учитывая расстановку сил, эту цену приходилось платить – имперские чиновники подсади на такое средство решения проблем, словно на наркотик. Точные цифры количества хиви умирающий эсчекист

тогда не назвал, но речь шла о сотнях тысяч бойцов. Всё, что он просил, так это дать ему прощение за преступное бездействие этой раковой опухоли, против которой он ничего не посмел сделать.

И вот Гузох смотрел на окружающие пространство и видел, что люди начинают делать, что хотят. Сами взрывают, сами чинят, сами решают, когда кто пройдёт или не пройдёт мимо. Ведь и он-то попал так быстро на сектор «Диза», потому что префект пропустил его из сектора «Корса» по своему подземному маршруту. Вот оно как, митрополита пропускает человек, управляющий целой группировкой. Управляющий, добывающий, сам развивающий. Всё сам и своими силами. Лишь проплачивая положенную мзду Империи.

Видимо, те, кто занимался подсчётами добычи ресурсов, управления производством и транспортировкой, тоже обращали внимание только на цифры. Которые, очевидно, их устраивали. А чем это могло грозить в будущем, видимо, их не заботило в виду того, что это произойдёт уже не при них.

Похоже, что никого кроме Церкви не волнует, что происходит с балансом чумов и людей в самой Империи. Ведь только Церковь волнует, сколько из ныне живущих верят в Чёрный Камень, а сколько нет. Люди не способны в него верить. Чумы способны. И в этом Церковь видит разницу – остальные нет. Остальные видят лишь разницу в добыче, скорости доставки, потерях при доставке и диверсиях и том, кого за это наградят или накажут. Вот тот смысл, который

должен был бы замечать патриарх. Смысл главного стержня чумного государства. И если бы он это делал, как и все прошлые до него, то уж точно бы не допустил такого разложения ни в имперской армии, ни в СЧК, ни где бы то ни было ещё. А он лишь считал свои циферки влияния так же, как и все остальные...

Империя заслуживает куда лучшего патриарха, чем Неврох. И чем большинство тех, кто был до него. Империя заслуживает жить только в том случае, если будет здорова. А единственное здоровье для неё – это вера в Чёрный Камень. В который вполне могут верить и люди. И префект показал, что это не только возможно, но и необходимо для сохранения Империи.

Префект

Гора был доволен собой. Давно ему не казалось, что он настолько верно рассчитал все ходы. А их было много. И ещё большее количество их вариаций. Уговорить Кобру оставить проход для Самоха и его карательной буры, которой они не преминут воспользоваться. Пропустить Гузоха по подземным путям, чтобы дать возможность ему подчинить себе эту буру. И, разумеется, убедить митрополита в полной верности единственно правильной вере на Земле – вере в Чёрный Камень.

И очень удивительно, но со временем, он начинал осознавать, что понимает язык чумов. Причём разных чумов. Гора был более чем уверен, что чумы разные такие же как и люди, из разных рас, народов, и что он не должен был бы понимать их всех одновременно. Но нет, это происходило именно так. И теперь для него даже не было секретом, почему сами чумы не испытывали с этим проблем – они тоже говорили на одном, видимо, каком-то унифицированном чумном языке.

Как далеко всё это может зайти, пока было не понять, но Гузох не был против расширения автономии Горы на соседние группировки в том случае, если люди, которые подпадут в его подчинение также будут верить в Чёрный Камень.

Со своей стороны не была против этого и Ананхр, если номинальное подчинение секторов других группировок бу-

дет оставлено за СЧК, а хиви будет осуществлять наземное прикрытие этих объектов.

Складывался очень удачный механизм расширения влияния префекта. Отработанный сначала в секторе «Диза», а затем и во всей группировке «Донецк-Макеевка». С точки зрения развития Империи он не должен был чему-то препятствовать, но совершенно очевидно, что такая ситуация не устроит ни верховного жреца Невроха, ни имперскую администрацию в лице Блуха. Но обе проблемы были более чем решаемы.

Собственно в последнее время Гора резко изменил своё отношение вообще к слову «проблема». Теперь для него вообще не существовало этого слова в привычном его понимании. Теперь у него было только слова «вопрос» или «ситуация», которые могли быть важными, срочными, неудобными, опасными, первостепенными, критичными, чрезвычайными. Это всё не проблемы. Это задачи, которые необходимо и совершенно точно можно было решить.

И прокручивая назад некоторые из таких вопросов, как например, попытка Самоха пройти в шахту сектора «Корса», когда человек Горы подорвал вместе с собой лифт, а лестничные проходы путём задымления и периодических прострелов стали недоступными – всё это было лишь заведомо выверенные ходы по определённой уже просчитанной комбинации. Не более того... А раньше он бы посчитал всё это самым настоящим самоубийством...

Власть. Вот, что даёт совершенно иное осознание реальности. И подстраивает эту реальность под себя, а не наоборот. Но сам Гора прекрасно понимал, что не стоит о том, что он прежде всего человек. Способный ошибаться, заблуждаться и быть самоуверенным. Эти три черты вообще были самыми опасными его врагами теперь, а вовсе никакие не чумы, хиви или маки. Теперь, когда его ресурсы и возможности стали исчисляться в единицах совершенно иного порядка нежели раньше, теперь именно эти три врага выдвинулись в своём приоритете. В силу своей незаметности... Их он не мог просчитать. Хотел он того или нет. Но тот же ум, который должен был их просчитывать, сам же являлся объектом их применения.

А нельзя увидеть само себя. Все эти беспочвенные разговоры про зеркало – лишь разговоры. Никакое зеркало не способно отражать тебя так, как тебя видят другие. Потому что в зеркало смотришь ты сам. И Гора прекрасно знал это... Что придёт его время переоценивать свои силы, ошибаться и даже спятить окончательно. И никто не скажет ему об этом. Все будут также выжидать его приказы и доклады об их выполнении. Потому что он уже построил такую систему, где его указ равен закону. А за нарушения закона последует смерть. Он уже построил такую систему, где все окружающие, видящая его без зеркала, будут молчать, если что-то пойдёт не так с ним. Ведь, когда он есть закон, то это означает, что без него закона нет.

Министр

Донхр был очень старым министром и очень опытным. Когда-то у него были такие победы, о которых не каждый и мечтать-то может. Военные победы, карьерные победы и победы его личной жизни. Его жена хотела большего – жизни, которую можно было бы назвать красивой, и она её получила. А для этого Донхру пришлось воровать из казны своего же министерства. Планомерно и нещадно, потому что аппетиты жены росли, а казна больше не становилась. И всё дошло до того, что на бумаге стало нарисовано много больше, чем было на самом деле в реальности.

Разумеется, в какой-то момент об этом стало известно тогдашнему руководителю СЧК, ведающему мерами противодействия коррупции, Закинхру. Он был также планомерен и беспощаден только не к аппетитам своей жены, а к своим аппетитам по карьерному росту, которые были для него куда важней, чем сама коррупция. Поэтому, когда он посчитал, что держащийся на плаву, но в его власти Донхр куда более ему выгоден, чем очередные призы за раскрытие финансовых махинаций, то он без промедлений выбрал первый вариант... И продвинулся по службе благодаря содействию Донхра, ставшего периодически сдавать ему своих бывших подельников.

Закинхр в итоге стал руководителем СЧК Славянской ко-

лонны, в то время как Донхр продолжал оставаться её министром. В какой-то момент это устраивало обоих, но с недавнего времени, Донхр стал понимать, что закапывать себя вечно он не в состоянии. И особенно это стало заметно после того разговора с Блухом, когда последний так резко высказался в адрес своего нынешнего положения и того факта, что куски его влияния так просто утекают у него из-под носа. Да, конечно, это было сказано под хмельком, но нельзя утверждать, что это было неправильно. Нельзя утверждать, что это какая-то спесь зарвавшегося чиновника – это обычный инструмент самосохранения, при котором ты понимаешь, что либо ты двигаешься вверх, получая что-то новое, либо ты теряешь уже приобретённое и идёшь к тому, чтобы в лучшем случае сдать свои полномочия, а в худшем – составить компанию в тюрьме тем, кому ты сам легко помог когда-то туда попасть.

Болотников

«Найди сначала чумов, с которыми ещё можно воевать в секторе «Диза» – эти слова так и маячили в голове майора Болотникова днём и ночью, пока не переросли во что-то более весомое. Он сам уже обдумывал варианты, когда союзник Гора, возглавивший целую группировку и даровавший шахтёрам новые возможности, а, главное, уже облегчил их нынешнюю участь, станет не то что не союзником, а самым опасным врагом. Об этом ему когда-то говорил Шакал, показывая даже некоторое злорадство по этому поводу. Его-то теперь уже и нет в живых, а вот пророчества похоже сбываются, и становятся ещё страшнее, чем ожидалось. Но для этого надо убедиться в этом самому.

Шакал рассказал, что теперь местность вокруг секторов на поверхности охраняют хиви, а раз так, то как минимум на них можно посмотреть. Заодно может и взять кого-то из них, поговорит по душам, как это уже некогда получилось. Может, что новое и выяснится.

Болотников взял лошадь и скакал всю ночь, а затем весь день и окольными путями добрался до Бахмута. Здесь, ему было прекрасно известно, что обитали хиви, держа этот город как узловой – через него шло несколько дорог в разные стороны, и, контролируя его, можно было быть уверенным, что никто не перекинет сколь-нибудь серьёзные подразделе-

ния им во фланг или тыл в какие-то короткие сроки.

Ещё полдня заняло у него время, чтобы тихо обойти этот город и двинуться дальше в сторону «Диза» и, не доезжая примерно километров десять, он устроился на ночлег. На дворе было тепло сейчас даже ночью, а после такого пути силы его были на исходе, поэтому услуг он почти сразу.

Ему снились шахтёры, хиви и маки. В здоровенном тёмном зале. Они перемещались кто-куда, формируя какой-то демонический хоровод с дикой скоростью. Но удивляло, что они абсолютно не сталкиваются при этом друг с другом. И даже не смотря на разную одежду у них у всех: полевую цвета хаки у маки, специализированный «излом» у хиви и чёрно-серую рабочую одежду шахтёров – нельзя было понять, кто из них кто. Так быстро они передвигались. И более того, с течением времени наблюдения становило казаться, что между всеми ними нет никакой разницы, что все они одинаковы. Совершенно одинаковы и даже одеждой, которая размылась настолько, что выглядела словно рваные разноцветные тряпки. Уже не казалось, что это какие-то разные чем-то отличные друг от друга люди. Все они делали одно и то же, кружились по комнате в едином ритме, не сталкивая друг с другом, явно хотели чего-то одного и уж точно совершенно не мешали друг другу. Это даже несколько удивляло – как можно двигаться с такой скоростью, маневрируя между друг другом и на такой скорости, и даже не задевать друг друга. Словно ими управлял кто-то один, заранее рассчитывая

маршрут каждого.

А насколько они сами этого хотели? И хотели ли? И кто этот один, кто всё это контролирует? По-другому быть не может – они не ошибались, они действовали по единому плану, который кто-то разработал. И это точно их всех устраивало.

Болотников попытался пробиться сквозь кого-то, чтобы вытянуть кого-то из них и спросить это, но его тут же оттолкнули, также слаженно все, кто только мог дотянуться. И так, яростно на него посмотрев, продолжили своё движение. Тогда он попробовал докричаться до кого-нибудь, спрашивая, что они делают, зачем это делают и кто ими командует. И тоже безрезультатно: кто-то злобно на него озирался, а большинство просто продолжали делать то, что делают.

Тогда он достал пистолет и стал палить из него в потолок, расстреляв так всю обойму. Это не произвело ни на кого впечатления, и устало свалился на пол. Похоже всех действительно устраивало то, что они делают. Похоже, что его попытки что-то выяснить оказались лишь пустотой в их намного более реальной жизни, чем той, которую хотел для них он... И тут кто-то сильно стукнул рядом с его правым ухом.

Болотников мигом проснулся. Это стучала копытом его лошадь недалеко от него. Она ещё немного фыркала и смотрела на него как-то странно. Видимо, он что-то говорил во сне.

Проспал он весь вечер, и от была уже ночь. Как раз самое время, чтобы осмотреть позиции хиви и выглядет там чу-

мов, если они, конечно, там ещё есть.

Ближайшие десять километров он преодолел достаточно медленно, сам себе говоря, что нужно передвигаться как можно тише, в реальности понимая, что он просто не хочет прямо сейчас увидеть и принять правду. Когда показалась промышленная труба, он слез с лошади и привязал её к ближайшему дереву. Теперь двигаться он стал ещё медленнее и ещё тише.

Сначала должны быть хиви, это ему известно. Они патрулируют территорию сами по себе без чье-либо помощи, вроде чумов из имперской армии или СЧК, которых они очевидно ещё как ненавидят. И прятаться они отлично умеют, как ни странно, куда лучше, чем маки. У них настолько хорошо получалось это делать, что не совсем было понятно, почему они ещё не вычислили всех повстанцев и не перебили по одному?

Может, им это и не очень надо? Правда, что они будут охранять и вообще делать, если не будет маки? Окончательный разгром их точно не устроит... Или он слишком идеализирует их? И вообще их способности... Заодно настало время это всё проверить как следует...

– Слушай, тихонечко... – шепотом сказал кто-то прямо со спины. – Руки вверх-то подними».

Твою ж мать. И как вот это? Шёл исследовать, взять языка, допросить, узнать что-то новое. И вот такое. Прямо на входе взяли как овцу паршивую... Да как профессионально. Не

кричали, а шёпотом и аккуратно. Видно, знают, что у многих есть этот защитный рефлекс при резком крике пытаться убить противника быстрее, чем он тебя. Просто на автомате. Пока ещё есть момент, и захватчик сам не хочет ещё стрелять... И тут шёпотом. Чтоб просто довести скромную информацию о том, что придётся сдаться. Без криков, без шума, без неожиданностей...

Болотников медленно поднял руки, ещё даже надеясь, что это может кто-то из маки даже и других подразделений, кто решил сделать вылазку для новой диверсии:

– Да я свой... Спокойно.

– Свой-свой, конечно... Как же по-другому...

Противник стал аккуратно шагать вокруг него, еле еле перебирая одну ногу за другой, и наконец, показался перед майором. Вида он был достаточно хмурого, маленький, низенький, как-то неровно сложенный и сутуловатенький, но с каким-то очень пронизательными глазами:

– Знакомое какое-то лицо у тебя, штрафник...

– Ну ещё бы... Я ж раньше Шакала охранял. Пока его не начали этапировать...

– Шакала?

– Шакала, да. Который сучила был эсчекистская...

– Да я уж понял, про кого ты... Про него все знают...

– Все хиви знают. Я ж об этом. Говорю же свой.

Сутулый молчал. Уже как-то немного по-другому смотрел на Болотникова. И обмозговывал что-то своё в этот момент:

– Ладно мне про Шакала заливать. Какое подразделение у тебя?

– А у тебя?... Так я тебе и рассказал. – Болотников прекрасно знал залихвацкий норов хиви, и как они даже своим не любили делиться лишней информацией. Кто знает, может всё же примет за своего.

– А пулю схватить не хочешь?

– Все когда-нибудь схватят. Да не все гнидой будут при этом.

Услышав это сутулый вроде немного улыбнулся и даже насколько-то расслабился, но по сути это ничего не значило – свой АК-74 он держал всё также крепко и направленно ровно в середину солнечного сплетения майора:

– Согласен... Ну топай давай вон в ту сторону... Штрафник...

Болотников медленно повернулся в ту сторону и, не опуская рук, поплёлся в указанную сторону. Шансов как-то вырваться из этого похоже не было – его конвоир специально отставал шагов на шесть-семь, чтобы было время на выстрел, как в случае с попыткой убежать, так и в случае с попытки завладеть его оружием.

– Шакал-то ты знаешь, кому стучал? – вдруг возникла у Болотникова идея, как хоть чем-то исправить или хотя бы изменить ситуацию.

Сутулый молчал и лишь изредка дышал в спину.

– Чумам из СЧК он стучал. – слегка повернув голову, и

краем глаза заметив противника, ответил Болотников.

– Что?!

– Да-да, чумам из СЧК... – остановившись и немного повернувшись назад, продолжал майор. – Говорил, выбора нет у него...

– Какого на хуй выбора?! Этим сукам стучать! Ему чё тут, хуёвые харчи были?

– Да он не на харчи жаловался, знаешь ли... А что в дерьмо он вляпался, и хотел хоть как из него вылезти. Каждый же свою шкуру бережёт больше чье-то.

– И чё? СЧК ему типа поможет?

– Ну видишь, не помогли. За зря стучал... Но как-то не сильно он и расстроен был. Даже курить отказался. Говорит – я своё уже прокурил давно...

Сутулый рассмеялся и совсем опустил автомат:

– Да этот гандон мне и прокурил... Мы-то раньше с ним вместе были. Только он наверх пошёл, а я и не думал ничем козырять. Знаешь ли, бравый парень и без погон бравый. И бравее многих ряженных. Не моё это за чинами гоняться. А этот хрен это дело любил... Но когда ещё молоды были, он мне проспорил блок сигарет. А для него это было ой как дорого. Ой как дорого, сука. Ха-ха-ха. Вот он расстроился тогда. И говорит «Всё, бля, больше не курю». Ну типа не на что купить теперь. А потом и вовсе бросил... А тут вон, какой франт, заявляет, что типа своё уже прокурил. Ха-х... Ну, с другой стороны, хоть не совсем это тебя обманул. Вот я-то

надулу его тогда с этим блоком. Ха-ха-ха...

Он так смеялся, складываясь иногда пополам, что невольно подходил ближе и ближе. И в какой-то момент, наконец, показалось, что можно этим воспользоваться. Болотников рванул вперёд и резко вскинул кулак вверх, попав прямым в кадык. Сутулый разом свалился на землю... Это ж надо, и тут Шакал помог...

Болотник связал руки бойца хиви его же ремнём, потом снял шнурки с его берцев, и связал им ноги. Потом осмотрел карманы, и ничего особо интересного или неожиданного: боеприпасы, две гранаты Ф-1, боеприпасы, пистолет Макарова, сигареты и записная книжка, в которой значились долги, видимо, карточные, судя по тому, что там были приписаны бубны, червы, крести, пики, а также названия игр напротив фамилий: козёл, бура, преферанс. Оно и похоже, что Шакал не просто ему проиграл, а профукал на катране, то есть в игре, где шулеры знают друг друга, и играют на то, кто кого лучше обманет. Логично, что после такого поражения, он перестал курить совсем.

И всё же, теперь надо бы посмотреть, что там вблизи сектора. В этот раз майор стал передвигаться куда более осторожно, и несколько раз замечал хиви в укромных местах, аккуратно обходил их и продолжал приближаться к главному административному зданию. Оно становилось всё ближе и ближе. Лунная ночь прекрасно освещала контуры и некоторые силуэты перемещающихся объектов вокруг наибольше-

го строения.

И наконец, он готов уже был наблюдать в бинокль с полной уверенностью, что всё же чумов он там найдёт, как заметил, что тот сломан. С одной стороны он был просто разбит, а с другой, по всей видимости, внутри была деформирована линза, потому что при попытке смотреть выдавалась лишь темнота. Что-то не к добру это. Всё началось как-то не к добру, ещё когда его взял в плен на пару минут тот сутулый. Приближаться ближе прямо сейчас опасно – он будет виден как на ладони, когда будет только приближаться к сетчатому забору, огораживающему территорию сектора от всего остального. А ещё же назад надо как-то. И всё это ради чего? Чтоб просто посмотреть? Нет, слишком рискованно.

Болотников ещё немного посмотрел на силуэты вдаль, попробовал распознать в них чумов, а не людей, более склоняясь к тому, что всё же это именно чумы. И двинулся обратно. По крайней мере, там есть ещё связанный сутулый, который ещё может что-то рассказать. Уж как минимум про чумов что-то он знать должен – они там ещё сидят в администрации вместе с Ананхр или уже там только люди во главе с Горой.

Хотя, конечно, стоит признать, что Зубрилов уже в чём-то прав. Ведь сейчас он встретил прежде всего хиви, а не чумов. И даже если они охраняют только внешний периметр, то это не отменяет того, что люди во всём этом уже замешаны. Хиви прикрывают префекта. Уже это – факт. И их кругом

тут более чем достаточно. Далее вопрос только в тех оборотах, которые будут набирать их отношения друг с другом... Те две роты, которые были здесь и устраивали засады на железнодорожные составы устранили тоже явно хиви. И то, с какой скоростью они это сделали, вполне возможно говорит о том, что Гора им чем-то помог... Он уже не в союзе с нами. Он в лучшем случае играет какую-то свою партию, а в худшем – на самом деле является частью чумной империи, не собираясь что-то с этим делать по той причине, что его уже всё устраивает. Вот два варианта, и один круче другого...

Болотников в таких раздумьях наконец дошёл до места, где всего минут 30 назад оставил связанного сутулого. Или ему казалось, что это то место? Да нет вроде всё так, и даже вон шнурок валяется вроде... Он подошёл поближе, наклонился и там правда оказался длинный шнурок от берца...

– На тебе, блять, туза бубнового... – послышалось сзади, и майор тут же потерял сознание.

– Штрафной майор Болотников... – послышалось откуда-то издалека, и повстанец открыл глаза. Он ощутил холодную сталь на кистях, и то, что прикован к стене с затянутыми за спину руками. Помещение было достаточно тёмным, но спереди него хорошего виднелись двое.

– Вон видишь, очухался сразу. – сказал говоривший только что стоявшему рядом с ним уже знакомому сутулому.

– Куда дел мою записную книжку с долгами? – спросил

сразу сутулый.

Болотников проморгался и честно попытался вспомнить в какую сторону он её отбросил после того как посмотрел, но не получилось:

– Не помню. Выкинул куда-то.

– Куда-то, блять... – сутулый проворчался, но было даже несколько странновато, что он не так сильно расстроился, как это предполагалось при такой потере. – Тебе вот она зачем вообще? Ну посмотрел – увидел, что ничего интересного, так и положил бы обратно... Или ты свои долги там увидел?

– Мои долги не здесь... – как-то грустно ответил майор.

– Да это мы и без тебя знаем... Ладно, запиздились мы что-то... – сказал первый, и, видимо, главный из них. – Говори, зачем пришёл к нам? Хотел убить кого? Взорвать чего? А чем? Кто ещё в курсе, что ты здесь? Откуда ты?

– Да чумов я пришёл увидеть, вот зачем я здесь.

– Чумов? Ну убить кого хотел. Ананхр?

– Да нет... Не убить. Посмотрел хотеть на чумов...

Двое хиви немного рассмеялись.

– О вкусах-то не спорят. – сказал сутулый своему командиру.

– Ну? Посмотрел? – спросил главный.

– Не знаю. Далеко было... Я хотел увидеть, что они охраняют здесь хоть что-то. А не одни хиви... Нам обидно думать, что Гора больше не наш союзник, а союзник хиви. И

чем больше чумов бы я увидел, тем меньше бы сомнений было насчёт Горы... А чумов-то как раз я и не видел...

Болотников стал понимать Шакала, которого допрашивал его сам. Тот держался совсем по-другому, нежели он сейчас. Тот держался как-то твёрдо, уверенно, ни о чём не жалея. Хоть и сам рассказывал по сути, что знал, но делал это как-то не страшась ничего. А вот ему сейчас было очень неловко, что он даже не под пыткой всё так вот рассказывает... Но не делать так у него как-то не получалось. Он уже не до конца ощущал себя как маки. Мало того, что сам штрафной, так ведь и те маки, которые не штрафники, уже в большинстве случаев никакие ему не друзья... Да, с другой стороны, а что ему скрывать? Боевых данных у него давно никаких нет, планов и ориентиров командования маки тоже. Про то, что Отряд 14 сейчас в большем своём составе находится в Северодонецке, видимо, уже месяца как два ни для кого не секрет. Так что ему скрывать? Уже учитывая, что они тут все так легко его узнают, включая факт «штрафника», так это, скорей, они ему могут что-то новое рассказать, а не он им...

– Так расстроился значит... Это всё, зачем ты сюда приходил? – спросил главный.

– В общем, да... Может, языка думал взять и допросить... Ну не очень получилось...

– Да, не очень... Я бы тебя отметелил бы, знаешь, за просто так... Уж то, что ты нихуя не знаешь, так это у тебя на лбу написано. Не говоря про то, что вообще могут там у вас

доверить штрафным... Но вот с тобой кое-кто сейчас хочет поговорить, и этот кто-то не любит, когда пытаются без причины... Вот он команду даст, так и за дело. А пока ни-ни. – главный пару раз отрицательно помахал указательным пальцем из стороны в сторону и закончил свою тираду, видимо, потому что издалека услышал звук шагов, которые теперь услышал и Болотников.

Через минуту появился тот, кого они так ждали. Разумеется, с охраной. Это был очень хитрого вида офицер без погон с бритой налысо головой. В глазах виднелся определённо весьма высокий интеллект, и когда он смотрел на майора, то складывалось впечатление, что он просвечивает его насквозь.

– Тут говорят, ты Шакала допрашивал, товарищ Болотников. – подойдя поближе сказал лысый.

– Допрашивал... Мы устроили засаду, когда его перевозили... Его живым взяли. Перед тем, как передать его дальше, я с ним сам поговорил.

– Ты тогда уже был штрафником?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.